

Механизмы самоадаптации личности как причины социокультурных трансформаций

Внешний мир все больше вторгается в область интимного. Это усиливает психологическое давление и угрозу возникновения дистресса, что, в свою очередь, приводит к необходимости выработки защитных механизмов, включающих трансформацию моделей поведения. Цель данной статьи – проанализировать амбивалентный процесс взаимодействия личности, имеющей выраженную травматическую доминанту, и социокультурного окружения. При этом следует иметь в виду, что человек не может создать защитный механизм, который не являлся бы репрезентацией его культурного опыта. Мы доказываем, что будучи культурно детерминированными, защитные механизмы становятся легитимными с момента своего возникновения и призваны выполнять функцию обновления культуры.

Ключевые слова:

аутизм, адаптационный механизм, девиация, культура, норма, патопластический эффект, трансгендер.

We can see the erosion of national borders and boundaries of the social body of the person in the information society and it's the reason of developing personal defense mechanisms. But these adaptive, protective mechanisms are themselves a representation of the individual cultural experience. The purpose of this article - to analyze the ambivalent process of interaction of a person with severe traumatic dominant and socio-cultural environment. But we can't create a protective mechanism that would not be a representation of our cultural experience. In the basis of any protective mechanism, which is characterized as "deviant behavior pattern", there are the traumatic dominant and the pathoplastic cultural effect. Our culture creates a conflict and a ways of adapting to it at the same time. Protective mechanisms are determined by the dominant culture and are legitimate since its inception., they perform the renovation function of culture.

Keywords:

culture, deviation, norm, adaptive mechanism, pathoplastic effect, autism, transgender.

Чукуров А.Ю. Механизмы самоадаптации личности как причины социокультурных трансформаций // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 4.

© Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: achukurov@yandex.ru

В условиях глобализации и становления информационного общества наблюдается постепенное размывание как государственных границ, так и границ личности, изменение социальной стратификации и активизация миграционных потоков, что приводит к усилению давления на «социальное тело» и кризису самоидентичности. Внешний мир все больше вторгается в область интимного, что является причиной усиления психологического давления и угрозы дистресса. Указанные обстоятельства приводят к необходимости выработки защитных механизмов, включающих трансформацию моделей поведения. В свою очередь, формирующиеся на наших глазах новые модели поведения заставляют нас провести ревизию таких понятий, как «норма» и «девиация».

Поэтому мы проанализируем амбивалентный процесс взаимодействия личности с выраженной травматической доминантой и социокультурного окружения. В ходе исследования мы покажем, в том числе на конкретных примерах, как под влиянием указанной травматической доминанты происходит трансформация мировосприятия и моделей поведения. Мы проанализируем, как в результате последующей самоадвокации приходит их общественное признание, и как модели поведения, которые ранее считались девиантными и/или миноритарными, перестают таковыми считаться и в свою очередь ведут к трансформации самого социокультурного окружения.

Данное исследование в основе своей имеет культурологический анализ, однако в ходе его проведения мы будем опираться на разработки и достижения из области психологии, психиатрии, кросс-культурной психотерапии и психофизиологии, а также на имеющиеся на сегодняшний день результаты деятельности таких организаций и сетевых ресурсов, как MindFreedom (<http://www.mindfreedom.org/>), ADAPT (<http://www.adapt.org/>), Autcom (<http://autcom.org/>), Alternative Mental Health Community (<http://www.healthyplace.com/>) и пр., целью которых является мониторинг соблюдения прав личности в сфере психиатрии и разработка методов адаптации и социализации.

Прежде чем перейти к основной части, хотелось бы обратить внимание на основной тезис: на сегодняшний день смысловое наполнение концепта «девиация» кажется чрезмерно широким. В некое мифические «девиантное поле» попадают поведенческие модели и культурные явления, которые порой попросту не вписываются в традиционалистское мировосприятие. Последние же оказываются жизнеспособными лишь в силу удобства его использования существующей властной структурой.

Девиантное поведение и «культурно-связанный синдром»

Вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что определенная модель поведения, которая помещена в пространство культурной нормы в одном социокультурном окружении, может оказаться в поле девиантного в другом. Но если, пройдя определенный путь, о котором мы скажем дальше, данная модель поведения *трансформирует* социокультурное окружение, то она естественным образом уже не будет считаться девиантной. Интересно, что «клиницисты оценивают девиантное поведение и поведение, обусловленное психическим расстройством, отталкиваясь от моделей, усвоенных ими в процессе обучения... и профессионального опыта, приобретенного в рамках конкретных условий или контекста наблюдения. Идентификация, описание, категоризация и разработка плана лечения представляет собой сложный социально-культурный процесс» [3, с. 428]. Исследователи все больше обращают внимание на контекст психических расстройств и того, что не попадает в пределы «нормы». Ведь именно некие общепринятые культурные ценности фактически и определяют, является ли поведение девиантным. Причем происходит это не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне профессиональных, в данном случае, психиатрических оценок. «Изучая расовые различия в психиатрической диагностике, Уэйли отмечает, что вопросы диагностики связаны с одним из двух моментов: а) гипотезой о наличии предубеждений клинициста или б) гипотезой культурной относительности» [3, с. 429]. Речь идет опять же о культурной детерминированности работы психиатров, которые руководствуются, прежде всего, существующими представлениями о норме и девиации в данной культуре.

Эпоха глобализации, стирание границ и вызванное как этими новыми условиями, так и рядом других причин кратное увеличение потока мигрантов, заставляет все серьезнее задуматься об изменениях клинических оценок тех или иных моделей поведения. Прежде всего, на первый план все чаще стали выходить проблемы адаптации и связанные с этим ситуации дистресса у мигрантов. Мы имеем дело со сложной амбивалентной картиной, когда те или иные психические состояния, квалифицируемое традиционно как девиантные, возникают одновременно с двух сторон – у мигрантов (экономических, политических и пр.) и у представителей принимающей стороны. И тем, и другим в равной степени приходится вырабатывать механизмы адаптации к новым, стремительно меняющимся условиям взаимопроникновения культур, и именно эти адаптационные механизмы и разрушают основания культуры, казавшиеся незыблемыми и воспринимавшиеся как традиционные.

В этой связи психиатры обратили внимание на такой феномен, как «культурно-связанный синдром» (вариант – культурно-определяемый синдром). Данное словосочетание используется для обозначения определенных телесных практик, которые являются результатом изменения ментального состояния человека и выходят на поверхность именно в ситуации дистресса. «Особого внимания в культурно-определяемых синдромах заслуживает тот факт, что, несмотря на традиционные верования, лежащие в основе «патологических» манифестаций, их проявления и, возможно, возникновение происходит при столкновении представителей совершенно разных традиционных сообществ с культурными объектами, социальными нормами, жизненными ценностями современного мира и их носителями» [4].

Речь идет о том, что те или иные психосоматические состояния возникают лишь при столкновении представителей различных культур, т.е. при возникновении ситуации интеракции. Девиантное психосоматическое состояние может вообще никак не проявляться в привычной повседневной жизни в естественных, знакомых с детства условиях обитания. Чаще всего подобные состояния проявляются в случае столкновения представителя «традиционного» сообщества с трансляторами «современной постиндустриальной культуры». Иными словами, подобный «культурно-связанный синдром» является ярким примером защитного механизма личности при ее столкновении с внешней средой, воспринимаемой по тем ли иным причинам, агрессивной. Очевидно, что в наибольшей степени девиантное психосоматическое состояние является естественным спутником миграционных процессов.

Если «разматывать» эту логическую цепочку дальше, то можно прийти к очевидному выводу, что в европейском культурном пространстве количество «девиантных» – с точки зрения традиционной психиатрии и обыденного сознания – состояний в ближайшие годы резко возрастет. Поскольку психические состояния являются культурно-детерминированными, мы вправе поставить под сомнение валидность психических диагнозов и полностью пересмотреть содержание понятия «девиантное поведение». Вспомним, что «отклоняющееся поведение» – это, с одной стороны, сигнал системе, указание на ее несовершенство и недостаточность, а с другой – стимулирование социокультурной динамики. Девиация указывает на несоответствие системы культурным нормам личности. Если моделей поведения, которые традиционно квалифицируются как девиантные, становится все больше, значит должна меняться система, а не модели поведения.

Нейроразнообразие и процесс самоадвокации

Необходимость изменения смыслового наполнения культурных концептов «норма» и «девиация» вызвана вовсе не одними лишь миграционными потоками. Информационное общество, неотъемлемой чертой которого является социальная атомизация и распад корпоративных структур, является, пожалуй, основополагающим фактором в процессе формирования смысложизненной вариативности. Так, в европейском и североамериканском культурном поле в последние двадцать пять лет активно развивается весьма примечательное с точки зрения «расшатывания» границ девиантного социокультурное движение за нейроразнообразие.

В дальнейшем мы будем использовать термин «самоадвокация», который как нельзя лучше подходит для обозначения процессов как психофизиологической направленности, так и для характеристики социокультурных процессов. Термин «самоадвокация» (self-advocacy) начал активно использоваться с конца 1960 годов, когда аутисты впервые заговорили о возможности своего активного участия в социальной жизни. Под самоадвокацией понимается «обнаружение и внедрение методов помощи себе и другим людям из вашей собственной популяции в ведении счастливой и продуктивной жизни, которая соответствует вашим собственным нуждам и потребностям других (позволяется самостоятельность решений) и, насколько это возможно (но не более), соответствует требованиям общества» [2].

Самоадвокация субкультуры аутистов фактически началась с опубликования автобиографий самих аутистов, многие из которых заняли видные места в разных профессиональных сферах, т.е. людей уровня Темпл Грандин. Речь шла не просто об осознании себя Иным, но об утверждении собственной активной позиции и праве быть Иным. Индивидуальный опыт «известных» аутистов привлек внимание широкой общественности и послужил причиной создания первых временных сообществ. На ранней стадии опыт аутистов, не занимавшихся публицистической деятельностью и никак не прославившихся, но при этом высокофункциональных, попросту не учитывался. Да и не мог учитываться, ведь у данной категории граждан аутизм попросту не диагностировался! Таким образом, картина была не полной, и общество не реагировало на данное движение какими бы то ни было изменениями даже на оценочном уровне.

Следующий этап становится революционным, а в нашем контексте особенно значимым, ибо речь идет о формировании полноценного информационного общества – интернет сделал информацию доступной и предоставил возможность создавать виртуальные сообщества по интересам и потребностям, т.е. именно информационное общество в полной мере позволило провести процесс самоадвокации.

Так появляются форумы и рассылки, ориентированные на взрослых аутистов и родителей детей-аутистов. В те времена, а именно в начале 1990-х гг., проявилось серьезное недопонимание в нарождающейся на тот момент субкультуре. Если взрослые аутисты стремились к общению, и не искали пути «излечения», то родителей интересовал именно второй вопрос. Иными словами, в начале 1990-х годов общество еще не было готово официально признать аутичный образ жизни как один из вариантов нормы. В 1992 г. Донна Уильям и Джим Синклер создают Аутическую сетевую международную организацию [2]. Деятельность этой организации предельно разнопланова – от консультаций для родителей до летних лагерей и научных симпозиумов. Сетевое пространство становится прорывом в самоадвокации аутистов.

Поскольку процесс коммуникации переходит на постоянную основу, он сам по себе требует совершенствования даже на уровне сугубо лингвистическом. Так в коммуникативных практиках данной субкультуры появляется термин «нейротипичные» или «неврологически типичный» для обозначения людей без аутизма, ибо термин «нормальный» попросту не подходит в данном контексте, поскольку понятие «норма» отмирает. Также рождается термин «кузены» аутистов – люди с близкими к аутизму состояниями.

И вот уже пошел обратный процесс – субкультура аутистов начинает влиять на еще недавно репрессивное по отношению к ней общество. К тому времени на экраны уже вышел фильм Барри Левинсона «Человек дождя» (1988) по мотивам жизни одного из самых известных аутистов – Кима Пика. Это человек с феноменальной памятью – он помнил 12 000 прочитанных книг, – который закончил среднюю школу в 14 лет, знал 30 языков, а в 50 лет начал виртуозно играть на фортепиано. А в 1995 году Роберт Земекис снимает фильм «Форест Гамп», где главный герой – типичный недиагностированный аутист. Вспомним церемонию вручения главного приза Американской киноакадемии 1995 года, когда голливудский бомонд аплодировал стоя. Но событием, закрепившим победу аутизма в мейнстриме становится фильм «Меня зовут Кхан», где главный герой является и диагностированным аутистом, и мусульманином, и эмигрантом одновременно, т.е. ситуация конфликта культурных норм общества и личности явлена здесь наиболее полно. С нашей точки зрения, это знаковое явление, со всей очевидностью говорящее о переосмыслении роли аутизма в мировом культурном пространстве. Субкультура аутистов перестает быть миноритарной и становится частью истеблишмента.

Когда некое явление, которое еще недавно было миноритарным, выходит на уровень общественного признания, оно начинает трансформировать само общество. И если когда-то аутисты выработали свой язык и понятную им терминологию в рамках

сетевого общения, то теперь они влияют на язык общеразговорный. Именно благодаря данному сообществу появляется «people-first language». Это касается именно английского языка. Разрабатывается такая грамматическая форма, при которой соблюдаются принципы толерантности, исключая любую дегуманизацию: «children without disabilities», а не «normal or healthy kids»; «people with disabilities», а не «disabled». Т.е. вначале идет человек, а потом состояние.

Так, менее чем за двадцать пять лет субкультура аутистов не просто добилась официального признания, но начала оказывать серьезное влияние как на отдельные научные направления (психиатрия), так и на глобальный художественный мейнстрим и разговорный язык. Иными словами, если на начальном этапе культурные нормы общества выступали своего рода репрессивным механизмом по отношению к данному ментальному состоянию, то на сегодняшний день культурные нормы общества трансформированы с учетом новых требований. Представляется, что термин «самоадвокация» может быть распространен и на другие социокультурные движения, толчком для развития которых послужил психофизиологический дистресс, возникший по причине конфликта культурных норм общества и личности.

Трансгендер как механизм самоадаптации

С точки зрения проблемы нормы и девиации, гармонизации физического и социального в психофизиологии человека особое внимание следует уделить феномену трансгендерного тела, в котором как ни в каком другом, актуализируется диалог/конфликт физического и социального. Как известно, трансгендерность – это несовпадение «природного» пола и гендерной идентичности. Совершенно необязательно, что в процессе социализации человек выбирает противоположный пол и идентифицирует себя с ним: бинарная гендерная идентичность уже давно не работает и личность может выбрать любую иную гендерную идентичность. Иными словами, в проблеме трансгендерности, несмотря на набор весьма специфических причин, очень четко и зримо явлена дисгармония физического и социального тела.

Еще не так давно данная модель поведения носила маргинальный характер и считалась психическим отклонением, но ситуацию стали менять именно известные люди, признанные в силу своего положения истеблишментом. Т.е. возникает та же ситуация, что и в предыдущем случае. Вспомним Брюса Дженнера, ставшего в преклонном возрасте Кейтлин и побившего рекорд по подписчикам в Твиттере. Это человек, который в 1976 году выиграл золотую медаль по десятиборью на Олимпиаде, был женат три раза, имеет шесть биологических детей; 24 года прожил в браке с Крис Кардашьян и воспитывал

четырёх её детей. И все это время он ощущал себя женщиной, испытывая колоссальное давление общественных норм. Иными словами, никакие социальные достижения и признание не способны снять конфликт физического и социального. Но именно такие люди на начальном этапе могли быть услышаны, и могли позволить себе бросить вызов общественным нормам.

Далее наблюдается постепенный количественный рост трансгендерных моделей, а самое главное – уровень брендов, их привлекающих. Так, официальная рекламная компания японского автомобиля Toyota Auris использовала вместо традиционной женской модели юношу-андрогина (Став Страшко). Слоган «Not trendy, not casual, not for every one» обращен к понимающему покупателю, подчеркивая интеллектуальную элитарность. А ведь Toyota – один из ведущих автомобильных брендов. А другой, косметический гигант – L'Oreal – в ноябре 2014 года объявил о начале сотрудничества с моделью-транссексуалом Леа Черезо. Уже в 2015 году состоялась премьера фильма «Девушка из Дании» по роману Дэвида Эберсхоффа (2000) о первом человеке, которому провели операцию по смене пола. Фактически, мы наблюдаем ту же динамику, что и в случае с субкультурой аутистов.

И вот лицом известной рекламной компании и принадлежащего корпорации «Johnson&Johnson» косметического бренда «Clean&Clear» стал/а Джазз Дженнигс – подросток-трансгендер. По словам модели, будучи биологически мужского пола он/она осознал/а себя девочкой в два года. А в четыре года врачи поставили ребенку диагноз «гендерная дисфория». В 2014 году была опубликована книга Дженнигс «Я Джазз» для детей от 4 до 8 лет, где рассказывается о трансгендерах и о тех трудностях, которые они переживают. Уже следующее поколение будет воспринимать трансгендерность как норму, как одну из форм гармонизации физического и социального и проявление свободы выбора. Т.е. прошедшая самоадвокацию смысложивная стратегия становится признанной и меняет устоявшиеся культурные нормы.

Столь подробно на данных примерах мы остановились лишь для того, чтобы показать относительность психиатрических оценок, с одной стороны, и многообразие форм сознания – с другой. Культурные нормы общества, доставшиеся нам от предыдущей эпохи, все очевиднее входят в конфликт с номами отдельно взятой личности, которая вынуждена выработать альтернативные стратегии выживания и самоадаптации.

Самоадаптация и трансформация культуры

Таким образом, попытаемся представить механизм взаимодействия личности и культуры с точки зрения влияния процесса самоадаптации на трансформацию культурных реалий.

Современная социокультурная среда обитания нередко оказывается агрессивной по отношению к человеку. Как мы уже указывали выше, речь идет о глобализации с ее усиливающимися миграционными процессами; всепроникающем информационном шуме, как неотъемлемой и неизбежной части информационной цивилизации; постепенном распаде корпоративных связей и традиций и атомизации общества.

Все чаще мы сталкиваемся со случаями, когда нормы общественного устройства не успевают за происходящими изменениями и вступают в конфликт с потребностями личности. Общественное устройство выступает репрессивным механизмом по отношению к личности, используя, в том числе, и концепт «девиация». Мы уже писали, что современное смысловое наполнение концепта «девиация» кажется чрезмерно широким и требует коррекции [5, с. 75].

В этих условиях личность оказывается в ситуации дистресса и вырабатывает механизмы защиты и самоадаптации. О.С. Булгакова указывает: «Здесь важным является определение защит как информации. Сначала личность считает объективную информацию, но подстраивает (искажает) ее под свое субъективное видение событий окружающей среды. А потом проецирует ответ в ту же окружающую среду.

Не представляется возможным однозначно ответить на вопрос – благо или вред приносят “защиты” человеку? Мы хотим существовать в объективной реальности, но сами ее деформируем, так как не можем выжить в достаточно агрессивной окружающей среде. Одно можно утверждать совершенно определенно – формирование “защит” является адаптационным, жизнеспасающим признаком» [1, с. 45].

И вот тут мы сталкиваемся с интересным парадоксом, а именно – с патопластическим эффектом культуры¹. Личность, защищаясь от давления социокультурной среды, вырабатывает адаптационные механизмы, которые сами по себе культурно детерминированы. **Т.е. человек не может создать защитный механизм, который не являлся бы репрезентацией его культурного опыта.**

О.С. Булгакова констатирует: «формируется альтернативная психофизиологическая система, искажающая объективную информацию, делая ее более

¹ На сегодняшний день существует несколько весьма схожих дефиниций патопластического эффекта культуры, отсылающих нас к медицинскому знанию. Основная их идея заключается в том, что патопластический эффект культуры определяет феноменологию болезни. Иными словами, «девиантные» модели поведения, вплоть до сюжетов галлюцинаций, формируются приобретенным в процессе социализации культурным опытом и проявляются в контексте конкретной культуры.

падающей. Это жестко иерархичная, доминирующая, непостоянная во времени, с индивидуальными параметрами устойчивости психолого-физиологическая структура. Ее создание обуславливается индивидуальными психическими характеристиками, особенностью физиологической системной организации, и результатом деятельности которой является дисфункция органа-мишени» [1, с. 46].

Таким образом, в основе *любого защитного механизма*, который характеризуется как «девиантная модель поведения», находятся *травматическая доминанта и патопластический эффект культуры*. Культура является причиной дистресса, но она же определяет способы адаптации, т.е. мы имеем дело с неким механизмом обновления, который «встроен» в тело культуры.

На определенном этапе любой адаптационный механизм проходит процесс самоадвокации, когда рождается осознание общности проблем и возникают «группы взаимопомощи» и начинается целенаправленная защита групповых интересов. В либеральном информационном обществе неизбежным оказывается и процесс адвокации, когда те или иные модели поведения, ранее считавшиеся девиантными и/или миноритарными, обретают общественную поддержку и выходят на авансцену культурной жизни, в том числе посредством художественного текста. На сегодняшний день, как мы уже указывали выше, по причинам размывания физических (государственных) границ и границ личностных, у самых разных категорий населения формируется дистресс и возникает потребность в выработке защитных механизмов. В результате процесса самоадвокации в европейском и российском культурном пространстве будет возникать все больше групп, чья модель поведения не вписывается в представление о «традиционном и/или нормальном», т.е. общепринятом. Однако эти группы будут успешно добиваться общественного признания. Как следствие – то, что получает общественное признание, в свою очередь приводит к трансформации норм культуры и самой социокультурной среды обитания.

Выводы

Для начала сделаем один частный вывод. В связи с мощными миграционными потоками и взаимопроникновением различных культур несовпадение ожиданий и моделей поведения становится неизбежным. Регулярно в фокусе внимания исследователей оказывается проблема адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям. Указанная проблема рассматривается с разных точек зрения – психологической, педагогической и даже художественной. Особенно же часто анализируются различного рода учебные программы по адаптации мигрантов и функционирование профильных

центров. Как правило, исследователи констатируют печальный факт, что на сегодняшний день ни одна из существующих программ не дала сколь-нибудь заметного результата. Мы анализировали данный вопрос на примере работы центра «Дети Авраама» в Стокгольме. Ориентированный на работу с детьми из семей исламских мигрантов, он так и не привел к заметному сдвигу и фактически не способствовал успешной адаптации подрастающего поколения «новых шведов». Влияние семьи, где дети проводили куда больше времени, и анклава, в который были включены сами семьи, оказывалось куда сильнее. Иными словами, общество, агентом которого выступал центр «Дети Авраама» не справилось с задачей культурной интеграции. Центр был закрыт, как, впрочем, и многие другие подобные организации.

Анализируя деятельность подобных центров и программ и отмечая тщетность любых попыток адаптации, никто из исследователей не попытался поменять местами задействованных в этой системе акторов. Субкультуры мигрантов уже давно перестали быть миноритарными. Таким образом, они уже трансформировали культуру принимающей стороны самим фактом своего существования и «попадания» в иное социокультурное окружение. По этой причине представляется, что подобные программы должны быть направлены вовсе не на адаптацию мигрантов или не только на это, но и на адаптацию принимающей стороны к новым условиям существования.

Второй вывод носит общий характер и касается исследования в целом. Поскольку выработка адаптационных механизмов (механизмов самозащиты) является следствием конфликта общества и личности и направлена на гармонизацию физического, психического и социального, при этом сами адаптационные механизмы являются репрезентацией культурного опыта в силу патопластического эффекта культуры, то никакие, появившиеся подобным образом модели поведения не могут считаться разрушительными. Будучи культурно детерминированными, они становятся легитимными с момента своего возникновения и призваны выполнять функцию обновления культуры.

Сохраняющиеся на сегодняшний день поведенческие ожидания, где определяющими для моделей поведения являются категории «нормальное» и «девиантное» можно считать более неактуальными. Меняются как модели поведения, так и восприятие этих моделей, идея телесной и ментальной вариативности стремительно укореняется в обществе. Цивилизация меняется, как неизбежно меняются представления о норме и девиации. На наших глазах рождаются целые движения и феномены, которые еще совсем недавно массовое сознание классифицировало как девиантные, а психиатрия фактически констатирует собственную «относительность» в новых условиях. Следовательно, подобные изменения должны отражаться как на всех уровнях

социализации, так и на институциональном и законодательном уровнях. Иными словами, ментальную и самоидентификационную вариативность должна учитывать как сфера педагогики, так и законодательство. Лишь в этом случае мы можем говорить о соблюдении прав человека и построении демократического общества XXI века.

Список литературы:

- [1] Булгакова О.С. Формирование адаптационных защит и механизм возникновения психосоматических нарушений. // Актуальные аспекты современной психофизиологии. Сборник научных трудов / Сост. и отв. ред. А.Б. Булгаков – СПб.: изд. НПЦ ПСН, 2015. – С. 45–48.
- [2] Деккер М. На наших собственных условиях: возникновение аутической культуры. // Синдром Аспергера. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.aspergers.ru/node/229> (15.10.2015)
- [3] Мацумото Д. Психология и культура / Под ред. Д.Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
- [4] Транскультурная психиатрия: критический обзор // Лаборатория интеллектуального сопротивления. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://labiso.ru/transkulturnaya-psihiatriya> (17.09.2015)
- [5] Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера, художественный текст и социокультурные трансформации XXI века (к постановке вопроса) // Вестник психофизиологии. – 2014, № 3. – СПб.: изд. НПЦ ПСН, 2014. – С. 73–80.

- 1. Bulgakova O.S. Formirovanie adaptacionnih zashit I mekhanizm vozniknovenia psichosomaticeskikh narusheniy. // Aktualnii aspekty sovremennoi psichofizioologii. Sbornic nauchnih trudov. Sost. I otv. Redactor A.B. Bulgakov – SPb: NPCPS PSN, 2015. – С. 45–48.
- 2. Dekker M Na nashih sobstvennih usloviah: vozniknovenie auticheskoy kultury// sindrom Aspergera – Rejim dostupa: <http://www.aspergers.ru/node/229> (15.10.2015), svobodni. – Zagl. s ekrana – jaz.. rus.
- 3. Macumoto D. Psychologia i Kultura // Redactor Macumoto D. – SPb: Piter, 2003. – 718 с.
- 4. Transkulturnaya psichiatria: kritichesky obzor // Laboratoria intellectualnogo soprotivlenia. – Rejim dostupa: <http://labiso.ru/transkulturnaya-psihiatriya> (17.09.2015), svobodni. – Zagl. s ekrana – jaz.. rus.
- 5. Chukurov A.U. Sindrom Aspergera, Hudojestvenniy tekst I sociokulturnii transformacii XXI veca // Vestnic Psychophysiology– 2014, № 3. – SPb: NPCPS PSN, 2014. – P. 73–80.

1. Bulgakova O.S. Formation of adaptive protection and mechanism of the psychosomatic disorders appearance.// Actual aspects of modern psychophysiology./ editor Bulgakov A.B. – SPb: NPCS PSN, 2015. – C. 45–48.
2. Dekker M On our own terms: Emerging Autistic Culture. [Electr. resource.] // Access: <http://www.aspergers.ru/node/229> (15.10.2015), free. - Screen title. - Rus.
3. Macumoto D. Psychology and Culture / editor Macumoto D. – SPb: Piter, 2003. – 718 p.
4. Transcultural psychiatry: a critical review // Laboratory of the intellectual resistance [Electr. resource.] // Access: <http://labiso.ru/transkulturnaya-psihiatriya> (17.09.2015), free. - Screen title. - Rus.
5. Chukurov A. Asperger's Syndrome, art and socio-cultural transformation in the XXI century // Psychophysiology News – 2014, № 3. – SPb: NPCS PSN, 2014. – P. 73–80.